

були характерні напади на володіння ширваншаха та ворожнеча з Шаруканідами.

Я. В. Пилипчук
Кыпчаки и огузы на Северном Кавказе

Резюме

Статья посвящена истории огузов и кыпчаков на Северном Кавказе. Кыпчакское завоевание степей данного региона реально датировать 50-ми гг. XI в. Во время переселения людей Атрака (донецких кыпчаков) на Кавказ имело место столкновение с местными кыпчаками ("дербентскими кыпчаками"). Вследствие этой миграции кочевья подданных Шаруканидов сместились за Дон, а часть донецких кыпчаков переселилась в степи бассейна Кубани и Маныча. Таким образом, владения Шаруканидов включали в свой состав Восточное Приазовье и бассейн Кубани. Важную роль в истории Кавказа сыграли "дербентские кыпчаки". Для них были характерны нападения на владения ширваншаха и вражда с Шаруканидами.

Y.V. Pylypchuk
Qipchaqs and Oguzs on the North Caucasus

Summary

This article is dedicated to the history of the steppes of Northern Caucasus during Oguz and Qipchaq rule. Qipchaq conquest of the Northern Caucasus can be dated 50-ies of the XI century. During the resettlement of people of Äträk to Georgia, Donetsk Qipchaqs experienced resistance of group of local Qipchaq (so-called "Qivchaqni Darubendalesani"). Due to this migration lands of Sharukanids' subjects shifted by Don, and some Donetsk Qipchaqs moved to stepps of Kuban and Manych bay. Thus, the area taken over by Shukranids included Eastern Azov Sea littoral and basin of Kuban. Significant role in the political history of the Caucasus played union of the "Qivchaqni Darubendalesani". They were famous for the attacks on the possessions of Shyrvanshah and feud with Donetsk Qipchaq.

ХЕРСОНСКИЙ ХРАМ СВ. ПРОКОПИЯ
В АГИОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

Изучение исторической топографии византийского провинциального города, каким являлся крымский Херсон, очень медленно продвигается вперед, учитывая скудость, фрагментарность источников. Археологическая карта города наполнена христианскими храмами, чьи руины давно привлекают внимание исследователей, но интерпретация известных урбанонимов, агоронимов, сакральных мест, самое главное, отождествление археологических памятников со сведениями, которые дает преимущественно агиография, происходит крайне редко. Ключом, подобранным из комплексных данных письменных и археологических источников, с трудом удается открыть очередной "топографический замок".

В этой связи стоит обратить внимание на выразительные следы одного из самых значительных херсонских храмов на Северном берегу города, в IX квартале, строительство которого едва ли произошло раньше конца VI в. Речь идет о крупной Северной базилике (22 x 18 м) с тремя нефами и пятигранной центральной апсидой. В ее алтарной части был найден каменный ящик - мощехранилище, который закрывался сверху плиткой, а с боку задвижной доской [Отчет, 1895, с.53]. Из нашего дальнейшего расследования станет ясно, чьи мощи мог некогда хранить этот реликварий, во имя кого мог быть освящен храм и с какими историческими событиями связан.

Базилика, известная по счету имп. Археологической комиссии под №22, пережила до X в. не менее двух строительных периодов. С первым было связано сооружение ее стен, сложенных правильными рядами из крупного подтесанного камня на известковом растворе с добавлением толченой керамики. По периметру базилики был проложен пояс в технике opus mixtum, от которого сохранился небольшой отрезок с четырьмя рядами плинфы в восточном конце стены южного нефа [Рыжов, 1981, л.2]. Он проходил на высоте 1,75 м от скалы и отличался мощной прослойкой раствора толщиной 7

стандарту к византийскому футу (30 x 30 x 3 см). Поэтому есть основания полагать, что это был один из самых поздних случаев применения такой техники кладки в поздне- и постюстиниановском Херсоне [ср.: Бобчев, 1961, с.153 - 202; Чанева-Дечевска, 1999, с.115; Ousterhout, 1999, p.128 - 129; Хрушкова 2002, с.108 - 109, 127 - 129, 253].

От следующей перестройки здания сохранились остатки апсиды, сделанной в южном нефе базилики, когда здесь была устроена обособленная церковь с могилами. Последнее обстоятельство, то есть наличие могил *intra muros*, указывает, что это вряд ли могло произойти ранее VIII в. [ср. данные по Константинополю: Mango, 2004]. Такие мемориальные молельни или церкви размещались в храмах разных архитектурных типов именно в юго-восточной части сооружения, что говорит о сложившейся традиции [Хрушкова, 2002, с.411]. Вообще, места мемориального культа тяготели к алтарной части церкви, что объяснимо тесной связью представлений о бессмертии души и о идее Евхаристии.

Другая перестройка храма была связана с сооружением еще одной не-большой церкви или, скорее, молельни, тоже примыкающей к южной стене базилики. Ее фундамент оказался впущен в засыпь, содержащую материал IX в. [см.: Рыжов, 1981, л.2 - 3, рис.5]. Поскольку экзонартекс Северной базилики выходил на узкую, шириной около 3 м, поперечную улицу VIII, которая связывала храм с центральной, большой агорой города, вдоль южной стороны базилики был огорожен небольшой двор, своеобразная аула (атриум), с которой соседствовало здание бани, видимо, считавшейся здесь вполне уместной [Рыжов, 1981, л.4]. Важно подчеркнуть, что рядом, в десяти метрах к юго-востоку располагалась вместительная аула (25 x 15 м) большой кафедральной базилики города (Уваровской базилики №23) и находился архитектурный епископальный комплекс [Завадская, 1997, с.304 - 311; Сорочан 2006, с.328 - 356].

Это обстоятельство заставляет вспомнить написанный с подробностями знания города, его храмов рассказ анонимного херсонита, автора "Слова на перенесение мощей преславного Климента историческу имущу беседу", дошедший в старославянской редакции. В нем говорится, что "благоверные", отправлявшиеся еще затемно, видимо, под утро четверга 30 января 861 г. (3 февраля

по григорианскому календарю) разыскивать святые реликвии, начали свое шествие с молитвенным песнопением ("молитвена же ѿ пьснь") от терм ("от теплых идоша") [Лавров, 1911, с.128, гл.3]¹. Поскольку их возглавлял архиерей – архиепископ Георгий, старый и больной человек (для него несли особое "седалище подвижное", видимо, скамью [Лавров, 1911, с.128, гл.4; Слово, 1990, с.312]), едва ли бы место сбора назначили вдали от епископального комплекса на северо-восточном берегу города. Анфиладная баня из четырех помещений и такого же числа ванн находилась как раз по соседству с ним и близ Северной базилики №22 [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.120 - 132, 136 - 137, план - схема, №39, 43, 44; Сорочан 2005, с.203-205, рис.2-3]. В эту же сторону были обращены северные ворота аулы базилики №23, прослеженные во время раскопок и исследований [Домбровский, 2004, с.13 - 14, 17, 18, рис.13; 15].

Известно также, что в состав благочестивой экспедиции входил священник по имени Соломон, вероятно, крещеный еврей ("священникъ те, именем Соломон, тогда попъ сыи Святаго Прокопіа"), в обязанности которого входило возглавлять "песенное пение", ектению, запевать псалмы, подсказывать остальным начальные слова литийного канона ("изъглаголаваай всьмъ гранеса"), которые стали звучать, едва собравшиеся двинулись к пристани ("съ пьсенными пьни от пристанища исходяще"), очевидно, в главной гавани, в Карантинной бухте, или в низменной части Северного берега города, откуда сподручно было плыть в Казачью бухту, к намеченному островку [Лавров, 1911, с.128, гл.3 - 4; Слово, 1990, с.312]². В любом случае они двигались коротким путем

¹ В переводе, выполненном с сокращениями по списку XVI в., эта важная деталь опущена [Слово, 1990, с.312]. Относительно даты события, стоит заметить, что оно не могло начаться вечером 29 января, как полагает Е.В. Уханова, поскольку прибытие на остров, и не посуху, а морем, как положено при движении от пристани, определено отнесено в источнике к 30 января (именно так указано в заглавии), после чего была отслужена утренняя ("все утріе хвалословію начатіе сътворихомъ") [Лавров, 1911, с.128, гл.5; ср.: Уханова, 2003, с.139 - 140].

² О загородном мемории Св. Климента, обстоятельствах розыска гробницы с последующим переносом мощей в город см.: Крестный путь, 2001, с.10 - 14; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.191 - 198; Сорочан, 2003, с.75 - 79; Сорочан, 2003 а, с.146 - 173; Сорочан, 2005 а, с.819-849, 1408-1476. Е.В. Уханова [2003, с.134 - 149] тоже сделала аналогичную попытку, допустив при этом, на мой взгляд, ряд неточностей: старославянский перевод "Слова" сделан не с греческой "краткой истории" Константина Философа, а имеет прототипом сочинение местного

в несколько сотен метров по VI поперечной либо по II продольной улице от бани и соседней с ней базилики №22, которая может быть отождествлена с упоминаемым в тексте источника храмом Св. Прокопия: именно его пресвитером, священником и мог быть Соломон ("поп сын Святого Прокопіа") [Лавров, 1911, с.128, гл.4; Слово, 1990, с.312].

Храмы, возведенные во имя Св. муч. Прокопия, можно было встретить в разных уголках Империи: только в Константинополе их было четыре, а образ святого, в основном как воина, встречается в памятниках прикладного искусства, на моливдулах, мозаиках, в живописи [Шандровская, Мохов 2006, с.191-211]. Согласно легендарной христианской традиции, несомненно, хорошо известной херсонитам, Св. Прокопий славился как проповедник, обративший в христианство множество людей, в том числе воинов

херсонского клирика, близкого к окружению архиепископа Георгия (для него Херсон – "наш город"); источник не содержит даже намека на предшествующую экспедиции вечерню, как считается, обязательно положенную по римским правилам, регламентирующим перенесение мощей святого в новый храм, расстояние, которое проделала процессия, составляло до острова не "немногим более двух километров", а более 10 км; процессия двигалась и туда и обратно морем (блаженная рака после ее обретения была внесена "в корабль" – по "Слова"), а не "по берегу... пешком"; в обратный путь с острова с ракой тронулся "архиереем", архиепископом города Георгием, который неоднократно упоминается так в источнике вместе с "славным причтом" "кафоликой церкви"; "священник" Соломон и "поп" из храма Св. Прокопия не два разных священнослужителя, а несомненно один, тот самый, который руководил песенной частью сценария обретения и переноса мощей; корабль с мощами не мог прийти в город после некоей сухопутной процессии от островка к городу, поскольку такой процессией могло и не быть, да это и не важно: стратиг города Никифор "с другими верными и мудрыми мужами" заранее вышел с свечами встречать подплывающее судно с ракой, а целование им мощей действительно состоялось после того, как рака была внесена в город для установки на некоем специально отстроенном по этому случаю "столпе", который едва ли следует принимать за оборонительную башню; церковь Св. Леонтия не была запланированным заранее "необходимым звеном" в ритуале перенесения мощей Св. Климента с острова в кафедрал, а стала таковой по непредвиденному случаю ("множество же много притыкаше, яко неуряди донести на мьсто блаженую раку"); самостоятельное участие в дальнейшей женского хора из "черноризиц и благоверных жен", ставшее в дальнейшем обычаем ("обычай такъ сущь върными теми до кончины"), объяснимо тем, что "дом Св. Леонтия" являлся, скорее всего, женским монастырем с носоконной высокочтимыми марти-риями [подр. см.: Сорочан, 2010, с.463 - 494].

двух его отрядов и собственную мать-язычницу, свершил святые деяния, главным образом в сирийском Скифополисе (современный Бат Шеан), пострадал во время гонений императора Диоклетиана и после пыток был обезглавлен в 303 г. Следует учесть, что, кроме столицы Империи, Св. Прокопий пользовался особым почитанием в Палестине, Сирии и Малой Азии, то есть как раз в тех районах, с которыми херсониты поддерживали давние и прочные двусторонние связи [см.: Архим. Сергей 1876, с.179; Прокопий, 1995, с.399], а среди херсонесских материалов с Севастопольской выставки присутствовал бронзовый литой круглый образок диаметром 5,1 см с надписью A(GIOC) PROKOPIOC по сторонам головы изображенного на нем святого [ГИМ, инв. №78607; Путь из варяг, 1996, с.771; Журавлев, 1997, с.201, 206, рис.6,1 (в тексте статьи и подписи к рисунку предмет ошибочно отнесен к костяным)]. День памяти этого святого приходится на 8 июля, когда в церквах поминают его имя. Разумеется, так поступали и херсониты.

На первый взгляд, напрашивается идентификация херсонской церкви Св. Прокопия с собственно Уваровской кафедральной базиликой №23, но это невозможно, поскольку в "Слове" о последней речь идет как о соборной церкви ("в кафоликию церковь внидоша") [Лавров, 1911, с.130, гл.12; Слово, 1990, с.315]. "Большой базиликой" (ad maiorem basilicam) называл ее и составитель Италийской легенды [Vita, 1911, p.144, sec.5]. Другое дело, что с запада к коридору с мозаичной вымосткой перед экзонартексом базилики выходила, обнаруженная во время раскопок 1876 г., "загадочная постройка, ...имевшая заложенные в стенах гончарные трубы" ("интересное здание с проложенными через стены гончарными трубами и разрушенной лестницей") [Отчет за 1901 год, л.21; Косцюшко-Валюжинич, 1902, с.32]. Пройти к ней можно было бы со стороны двора большой базилики или южных ворот аулы. К.К. Косцюшко-Валюжинич сообщает, что она оказалась разобрана по инициативе монастыря для постройки временного жилого дома для Ф.И. Чагина, академика архитектуры, работавшего над внутренней отделкой Владимирского собора [Отчет за 1901 год, л.21; Отчет за 1904 год, л.20 - 21]. По словам заведующего раскопками, уже в 1885 г. иеромонах Агафодор впервые высказал предположение, что эта постройка была баней. Если учесть, что епископский комплекс в Нове включал наряду с базиликой и баптистерием резиденцию епископа с собственной

баней с четырьмя ваннами, двумя кочегарками-префурниями, раздевалкой-аподитерием и туалетом-латриной, выстроенные в первой поло-вине VI в., наличие аналогичного сооружения в подобном херсонесском комплексе было бы не менее уместным [ср.: Бернацки, 2002, с.69, 78, рис.1, D; Бернацки, Кленина, 2002, с.102, рис.3]. Точно также была расположена баня по отношению к базиликальному комплексу с крещальней на Самосе [Schneider, 1929, S.125, fig.14]. Небольшая баня входила в базиликальный комплекс Петры (с. Цихидзири в Аджарии) [Хрушкова, 2002, с.350-352, рис.138 - 139]. В отличие от предыдущих, она относилась к типу "анфиладных" терм, состояла из пяти помещений, расположенных в одну линию. В сторону базилики был обращен портик с колоннадой перед баней. Число подобных примеров можно было бы продолжить, и, значит, в византийском Херсоне мы тоже имеем дело не с исключением, а с правилом.

Для кафедрального храма с баптистерием соседство бани было весьма удобно, поскольку по обычаю перед таинством Святого крещения, которое проводил поначалу только епископ, готовящиеся к чину крещения – фотисомены ("просвещенные") и все при этом присутствующие: восприемники, крестные-анадохи, "верные" должны были омыть тела. Видимо, омовение предполагалось и по правилам, регламентировавшим обречение и перенесение мощей. Во всяком случае, подобное событие в Херсоне началось 30 января именно с этого. Только после этого последовали усердные молитвы, литания за город и утреня. Поэтому вместе с другими сооружениями упомянутую баню вполне могли включить в состав епископального комплекса.

В связи с этим важным обстоятельством нужно также отметить, что в этот же комплекс входил небольшой базиликальный храм "А" с крупной триконхиальной апсидой, что указывает на его мемориальный характер мученика [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.123, план-схема, №38]. Постройка находилась в 7,2 м от юго-восточной оконечности Уваровской базилики - большого кафоликона и в 9,26 м от октогонального баптистерия (№24), была разделена парами колонн на три нефа: выделяются ее укороченные, близящиеся в целом к квадрату пропорции (14,8 x 13,2 м) и "трехлепестковая" алтарная апсида, такая же, как у базилики Крузе (№7), что позволяет большинству исследователей считать ее одной из наиболее

важных в ряду подобных сооружений [Отчет за 1904 год, л.19 - 21; Косцюшко-Валюжинич 1906, с.48 - 50, табл. III; Яacobсон 1959, с.194 - 196, рис.98; Сазанов, 1999, с.32 (автор относит время этой "самой ранней постройки" к концу IV - V вв. и неверно размещает ее "на месте нынешней Уваровской базилики")]³. Уже первые раскопщики обратили внимание на то, что "значительное отклонение осей храма "А" и баптистерия..., быть может, доказывает их разновременное сооружение" [Отчет за 1904 год, л.20]. По мнению А.И. Романчук, это произошло перед строительством базилики №23 [Романчук 2000, с.226]. Однако триконхиальные церкви возводились не только в IV - V вв., но и в VI - VII вв., и в еще более позднее время, в том числе как монастырский тип [Архитектурное наследство, 1972, с.86 - 87; Theodorescu, 1976, p.3 - 14; Завадская 2001, с.266 - 267], поэтому не исключено, что храм "А" и сходная с ней по конструкции базилика Крузе появились не раньше возведения комплекса Уваровской базилики [Завадская 2000, с.75 - 76; Завадская 2001, с.266 - 267; Сорочан, 2007, с.73-77]. Во всяком случае, предварительные результаты раскопок С.А. Ушакова культурного слоя фундамента правого нефа базилики Крузе (№7) и между вырубными могилами в ее нартексе, полученные в 2005 - 2008 г., показывают, что здесь нет материалов ранее второй половины V - первой половины VI вв., так что сама базилика была выстроена не ранее середины VI в. [Ушаков, 2010, с.244, 247; Ушаков, 2010 а, с.293, рис.5, 8 - 12], видимо, в

³ Храм "А" был спешно расследован в 1904 г. поскольку оказался случайно обнаружен при постройке Военным ведомством четырехорудийной батареи с восточной стороны Уваровской базилики. В дальнейшем он был засыпан во время строительства батареи. С южной стороны к храму подходила 1 продольная улица. От сооружения уцелели только остатки фундамента от разобранных стен, мраморный пол в среднем нефе (1094 обломка полированных половых плит) и мраморный пол в алтаре "из кругов и узких плиток белого и желтоватого с пятнами мрамора", по-видимому, подобный по рисунку алтарному полу Западной базилики №13, к слову, воздвигнутой тоже в конце VI в. Поверх мраморного пола и в боковых нефах со временем, видимо, не ранее VIII в., были устроены гробницы-хититрии, напольные костяками. Именно К.К. Косцюшко-Валюжинич первым заметил, что новостроенный храм был "совершенно одинаковой архитектуры с юго-восточным", то есть базиликой Крузе (№7) [Отчет за 1904 год, л.18 - 21], хотя последняя имела гораздо более вытянутые пропорции (24 x 17,5 м.). Следовательно, можно говорить о некотором, да и то не полном совпадении плана этих сооружений (храм "А" квадратный, явно сплюснутый, а базилика Крузе прямоугольная, с нартексом; триконхи различаются конфигурацией и пропорциями), но никак не о копировании чертежи [ср.: Юрочкин, Джанов, 2002, с.53 - 54].

начале "строительного бума" в Херсоне.

Выдвинутое предположение подтверждается тем очевидным обстоятельством, что триконхальная апсида храма "А" была сооружена над вырубленной в скале огромной рыбозасолочной цистерной № 52 (7,11 x 5,3 x 6,4 м), засыпанной, судя по находкам К.К. Косцюшко-Валюжинича, не ранее второй половины - конца VI в.⁴ Прочные стены этой цистерны были использованы как основание постройки - прием, к которому охотно прибегали римские строители - икодомы [ср.: Ousterhout, 1999, p.160]. Кроме того, вынужденно сжатые, почти квадратные пропорции храма, какие вообще появились в византийском зодчестве не ранее VI в. [подр. см.: Чанева-Дчевска, 1999], объяснимы еще и тем, что он занял свободное место, остававшееся рядом с уже возведенными Уваровской базиликой и крещальней. Продвинуть его еще восточнее мешала линия, ограниченная апсидами храма - кафоликона, а сместить западнее - близость главной апсиды баптистерия №24. Следовательно, храм "А" строился не в конце IV - V вв., а почти на два века позже, очевидно, в самом конце VI - начале VII вв., но уже после Уваровской базилики №23 и ее крещальни №24, когда весь архитектурный комплекс, возникший на месте кварталов IV - V, принял законченный вид.

В любом случае, других более близких, значимых храмов, пресвитеру которых доверили бы столь важное дело - вести песенную часть ритуала - са-крального сценария, чина обретения мощей, рядом с термами в IX квартале или с аулой Уваровской базилики - кафоликона нет, поэтому можно предположить, что среди сопровождавших в Казачью бухту главного героя, "мужев подвига" - Херсонского архиепископа Георгия были представители клира главного храма города, скорее всего, храма Свв. Апостолов Петра и Павла ("большого кафоликона"), а также храма Св. Прокопия - базиликального храма "А" или, не исключено, базилики №22. Но если учесть очевидное обстоятельство, что в важнейшем мероприятии по обретению мощей должна была быть подчеркнута инициатива, а значит, и гегемония епископального храма города священник Соломон, как и церковь Св. Прокопия, скорее всего, были

⁴ Рядом слева находилась еще одна огромная цистерна (6,00 x 4,60 x 6,40 м) открытая в 1901 г. [Косцюшко-Валюжинич, 1906, с.49 - 50; Отчет за 1904 год, л.18 Романчук, 2000, с.99, 226].

особенно близки (и территориально, и организационно, и духовно) к клиру этого кафоликона. Действительно, формальным инициатором прославления святого должна была быть местная Церковь, тогда как фактическим инициатором - высшие духовные власти Византии, однако это не означает, что в условиях опасного зимнего плавания, при закрытой навигации сюда мог реально прибыть кто-либо из числа клира Св. Софии Константинопольской, как об этом сообщает Проложная старославянская редакция источника (конец XII в.) и думают согласные с ней историки (Сорочан, 2003, с.76 - 77; ср.: Уханова, 2000, с.121; Уханова, 2003, с.136 - 137).

К слову, отсутствие упоминания о непосредственном участии Константина Философа в розыске мощей на острове едва ли случайно. Неизвестный автор "Слова", явно херсонит из числа окружения архиерея, не забыл себя, других, иногда поименно названных, менее важных участников предприятия (Соломон, Дигица), но опустил непременно указание на присутствие императорского и патриаршего эмиссара, видимо, только потому, что Константин, инициировавший местные власти на эти розыски, немало приложивший сил в предыдущих загородных "рекогносцировках на местности", если и присутствовал среди собравшихся затемно "благоверных", в тот памятный январский четверг дошел до пристани, но в плавание, видимо, не отправился и на острове во время раскопок гробницы не был. Последующая "повесть" (storiola) или "исторический рассказ", "краткий отчет" (historica narratione, brevem historiam), составленный Константином с меньшими подробностями, чем рассказ старословянского "Слова", но послуживший в дальнейшем основой для соответствующих мест письма Анастасия библиотекаря епископу Гаудериху Велитерийскому, Итальянской легенды (Vita cum Translatione...), Паннонских Житий Кирилла и Мефодия, таким образом, был написан Константином отчасти с чужих слов, и непосредственным свидетелем, участником событий 30 января 861 г. он тоже был лишь отчасти, видимо, с того момента, когда мощи в тот же день были доставлены с острова в город. Однако эта тема выходит за рамки намеченной проблемы, в целом вливающейся в необозримую "константиномефодиану", и добавляет к ней новую конкретную, живую деталь.

Литература

- Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Востока. СПб., 1876.
- Архитектурное наследство Болгарии / С. Стамов, Р. Ангелова, В. Коларова, Н. Чанева-Дечевска. Отв. ред. С. Стамов. София, 1972.
- Бернацки А. Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Бернацки А. Б., Клемина Е. Ю. Епископская базилика и резиденция V - VI вв. в Нове (Moesia Secunda) // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.
- Бобчев С. Смесената зидария в римските и ранневизантийските строежи // Известия на Археологическия институт. София, 1961. Вып.24.
- Домбровский О. И. О хронологии "Базилики Уварова" // Историческое наследие Крыма. 2004. №3-4.
- Журавлев Д. В. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 1997. №3.
- Завадская И. А. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // БИАС 1997. Вып.1.
- Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневи-зантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып.8.
- Завадская И. А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2000.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. 1902. Вып.4.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Тавриче-ском в 1904 году // ИАК 1906. Вып.20.
- Крестный путь Святого Климента: Рим - Херсонес / Авт.-сост. Т. Яшаева, М. Мотовилина. Севастополь, 2001.
- Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. 1911. Вып.2.
- Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 г. СПб., 1895.
- Отчет за 1901 год // Архив НЗХТ. Д. №10.
- Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. - Д. №13
- Прокопий // Христианство. Энциклопедический словарь. М.

1996. Т.2.
- Путь из варяг в греки и из грек... Каталог выставки / Отв. ред. В. Л. Егоров. М., 1996.
- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. - Екатеринбург, 2000.
- Рыков С. Г. Отчет о раскопках "Северной базилики" в 1981 г. // Архив НЗХТ. Д. № 2226.
- Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дисс. ... докт ист. наук / МГУ. М., 1999.
- Слово на перенесение мощей Климента Римского: Пер. И. Калиганова // Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX - XVIII веков. М., 1990.
- Сорочан С.Б. "Carceris habitateris"? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. 2003. Вып.3.
- Сорочан С. Б. О храме Созонта, "доме св. Леонтия" и мартрии св. Василия в раннесредневековом Херсонесе // АДСВ. Екатеринбург, 2003 а. Вып.34.
- Сорочан С. Б. Бани византийского Херсона VI-X вв. // Древности 2005. Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005 в. Ч.1-2.
- Сорочан С. Б. О храме Св. Апостолов и епископальном архитектурном комплексе на северо-восточном берегу византийского Херсона // С. сб. 2006. Вып.2.
- Сорочан С. Б. К вопросу о литургической организации и датировке базилики Крузе в византийском Херсонесе // Проблемы теологии. Материалы Четвертой международной научно-практической конференции 16 февраля 2007 г. / Отв. ред. Д. И. Макаров. Екатеринбург, 2007.
- Сорочан С. Б. Меморий Воскресения и мартирий Св. муч. Василия // БИ. 2010. Вып.23.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес - Херсон - Курсунь. К., 2003.
- Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т.59 (84).
- Уханова Е.В. Обретение мощей в византийской церкви (по

материалам Слова Константина Философа на обретение мощей Св. Климента Римского) // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003.

Ушаков С. В. Базилика "Крузе" в Херсонесе: результаты исследований 2005-2008 гг. // СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; К., 2010. Вып.1.

Ушаков С. В. Когда были сооружены могилы в нартексе базилики "Крузе" в Херсонесе? / С. В. Ушаков // С. сб. 2010 а. Вып.4.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV - VII века). М., 2002.

Чанева-Дечевска Н. Ранно-христианската архитектура в България IV-VI вв. София, 1999.

Шандровская В. С., Мохов А. С. Изображения Святого Прокопия на эрмитажных печатях // АДСВ. 2006. Вып.37.

Юрочкин В.Ю., Джанов А.В. Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА 1959 №63.

Mango C. Le developpement urbain de Constantinople (IVe - VIIe siecles). Paris, 2004.

Ousterhout R. Master Builders of Byzantium. Princeton, N.J., 1999.

Schneider A. M. Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. 1929. Bd.54.

Theodorescu R. A propos du plan triconque dans l'architecture du Sud-Est Europeen au Haut Mozen Age // Revue des etudes Sud-Est Europeennes. 1976. T.14. №1.

Vita cum Translatione Sti Clementis // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. 1911. Вып.2.

Список сокращений

- АДСВ – Античная древность и средние века
- БИ – Боспорские исследования
- БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
- ВВ – Византийский временник
- ВДИ – Вестник древней истории
- ИАК – Известия имп. Археологической комиссии

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии

Таврии МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НЗХТ – Национальный заповедник "Херсонес Тарический"

ОАК – Отчеты имп. Археологической комиссии

С. сб. – Сугдейский сборник

С.Б. Сорочан

Херсонський храм Св. Прокопія в агіографічних та археологічних джерелах

Резюме

В статті розглядаються проблеми християнської топографії візантійського Херсону. Аналіз "Слова на перенесення мощей Климента" (старослав'янська версія), інших агіографічних джерел та археологічних пам'ятників дозволяє дійти висновку, що події 30 січня 861 р., в яких приймав участь Костянтин Філософ, були пов'язані з Церквою Св. Прокопія. Вона знаходилася поблизу лазні та базилики №23 та може бути ідентифікована з Північною базилікою (№22) або, що більш імовірно, з храмом "А", який входив до комплексу головного кафедрального міста з найбільшою базилікою – храмом Св. Апостолів Петра й Павла.

Ключові слова: Візантія, Херсон, Св. Климент, Св. Прокопій, християнська топографія, Костянтин Філософ.

С.Б. Сорочан

Херсонский храм Св. Прокопия в агиографических и археологических источниках

Резюме

В статье рассматриваются проблемы христианской топографии византийского Херсона. Анализ "Слова на перенесение мощей Климента" (старославянская версия), других агиографических источников и археологических памятников позволяют прийти к заключению, что события 30 января 861 г., в которых принимал участие Константин Философ, были связаны с церковью Св.

Прокопия. Она находилась рядом с базиликой №23 и может быть идентифицирована с Северной базиликой (№22) или, что более вероятно, с храмом "А", входившим в комплекс главного кафедрального собора с большой базиликой – храмом Св. Апостолов Петра и Павла.

Ключевые слова: Византия, Херсон, Св. Климент, Св. Прокопий, христианская топография, Константин Философ.

S. B. Sorochan

The Cherson Temple of Saint Procopius in agyographic and archaeological sources

Summary

In the article consideration one problem of christian topography of Byzantian Cherson. The analysis "Words about transferring saint Clementis" (the old slavic version) and archeological monuments allows to reach the conclusion, that events on January 30 (861 year), in which participat the Constantin Philosopher, were connected to church of Saint Procopius. It was find near the baths and bazylik 1 23 and can be identified to Northern bazylik (1 22) or temple "A", which entered into a complex of the main temple of city - large bazylik.

Key words: Byzantium, Cherson, Sti Clementis, Sti Procopius, christian topography, Constantin Philosopher.

Степанов Цветелин

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГЕНЕАЛОГИИ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ И ХАЗАРИИ

В Средние века легитимация власти, как хорошо известно, осуществлялась чаще всего при помощи родovitости и исторических мифов. „Изобретение“ этих мифов – характерное явление не только в т. наз. варварских государствах (иногда называемых „варварской периферией“), но и в старых цивилизациях, связанных генетически с эллино-римским, иранским и китайским наследиями. В основном, эта практика типична среди „народов Книги“, т.е. тех, которые были связаны с цивилизациями Средиземноморья и Передней Азией и, в частности, с традицией Торы (Библии и Корана), или же с традицией метаисторического образа Александра Македонского [Шукуров 1999, 33-61; Степанов 2005, 25-26; Stepanov 2010, 18-19]. Раннесредневековые болгары и хазары – не исключение из этого правила, и на следующих страницах попытаюсь продемонстрировать этот вывод с помощью анализа нескольких средневековых текстов (точнее, некоторых их фрагментов), чья реконструкция, надеюсь, раскроет перед нами общую матрицу, которую элиты обоих государств использовали для своей генеалогической легитимации.

1. Хазарский казус

Фрагмент, который нас интересует в данном случае, давно известен и прокомментирован в научных исследованиях. Речь идет о части переписки между хазарским „царем“ (каган-беком) Иосифом и евреем из Кордовского халифата Хасдаем ибн Шафрутом (860-ые гг.), дошедшей до нас в Краткой и Пространной редакции [Коховцов 1932]. Этот документ – единственный оригинальный текст, вышедший из-под пера представителя самой высшей страты хазарской элиты, пытающегося дать легитимную санкцию верховной власти каган-беков в Хазарии. В данном случае интересно то, что в документе не показывается связь с наследством Западнотюркского (Первого) каганата и возможным происхождением власти хазарских каганов от харизматического тюркского рода Ашина [В очередной раз